



ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ РАЗВИТИЯ ПСИХИКИ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2025. Т. 14, вып. 3 (55). С. 212–224

Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology, 2025, vol. 14, iss. 3 (55), pp. 212–224

<https://akmepsy.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2304-9790-2025-14-3-212-224>

EDN: NEDZSN

Научная статья
УДК 316.6

Образы «своих» и «чужих» людей как предмет социально-психологической имагологии

В. Д. Альперович

Южный федеральный университет, Россия, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42

Альперович Валерия Дмитриевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальной психологии Академии психологии и педагогики, alper@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0336-3638>

Аннотация. Актуальность: в социальной ситуации транзитивности, включающей пандемию коронавируса и региональные военные конфликты, бинарные оппозиции «мы – они», «свой – чужой», «враг – друг» играют важнейшую роль в межличностном и межгрупповом восприятии. В системе «личность – группа – общество» эти конструкты участвуют в процессах самоопределения личности, в конструировании системы идентичностей, в формировании и реализации паттернов и стратегий общения и взаимодействия с другими людьми. Отмечен рост междисциплинарных (филологических, исторических, политических, культурологических) имагологических исследований образов «чужих», изучены психологические основы социальных практик вражды и дискриминации, содержание, функции и виды стереотипов (в частности, этнических авто- и гетеростереотипов, стереотипов о мигрантах) в психологии межгрупповых отношений. Цель: определить теоретико-методологические основания социально-психологической имагологии, ответить на вопрос о правомерности применения термина «имагология» к социально-психологическим исследованиям. Гипотеза: объект социально-психологической имагологии может быть представлен в когнитивных образованиях как продуктах социального познания. Результаты: применен структурно-функциональный анализ имагологических и социально-психологических моделей, отражающих особенности образов других людей в качестве «своих» и «чужих». В социальных представлениях и нарративах в качестве инструментов и продуктов социального познания, выраженных вербально, в языковых конструкциях, объективируются характеристики «своего – чужого», «врага – друга». Основные выводы: концепция социальных представлений и нарративный подход выступают основаниями социально-психологической имагологии в контексте социального познания. Новизна исследования заключается, во-первых, в том, что впервые сформулирована проблема статуса социально-психологической имагологии как области социально-психологических исследований; во-вторых, в том, что определены теоретико-методологические основания социально-психологической имагологии в контексте социального познания.



Практическая значимость: нарративный анализ, а также изучение социальных представлений могут быть применены для диагностики враждебных и дискриминационных отношений личности в рамках индивидуального социально-психологического консультирования и групповой психотерапевтической работы.

Ключевые слова: имагология, «свои» люди, «чужие» люди, «враг», «друг», стереотип, социальные представления, нарратив

Для цитирования: Альперович В. Д. Образы «своих» и «чужих» людей как предмет социально-психологической имагологии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2025. Т. 14, вып. 3 (55). С. 212–224. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2025-14-3-212-224>, EDN: NEDZSN

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Images of “friends” and “strangers” as a subject of socio-psychological imagology

V. D. Alperovich

Southern Federal University, 105/42 Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don 344006, Russia

Valeriya D. Alperovich, alper@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0336-3638>

Abstract. *Relevance:* in a social situation of transitivity, including the coronavirus pandemic and regional military conflicts, binary oppositions “Us vs. Them”, “ours vs. theirs”, “friend or foe” play a crucial role in interpersonal and intergroup perception. In the ‘personality – group –society’ system, these constructs participate in self-determination of the individual, in the construction of a system of identities, in the formation and implementation of communicative and interactive patterns and strategies. There has been an increase in interdisciplinary (philological, historical, political, cultural) imagological studies of images of “strangers”. Moreover, the psychological foundations of social practices of hostility and discrimination, the content, functions and kinds of stereotypes (in particular, ethnic auto- and hetero-stereotypes, stereotypes about migrants) in the psychology of intergroup relations have been studied. *Purpose:* to determine the theoretical and methodological foundations of socio-psychological imagology, as well as to address the issue of justifying the application of the term “imagology” in socio-psychological research. *Hypothesis:* the object of socio-psychological imagology can be represented in cognitive formations which are the products of social cognition. *Results:* the structural and functional analysis of imagological and socio-psychological models reflecting the features of images of other people as “friends” and “strangers” has been applied. In social perceptions and narratives, the characteristics of “Us vs. Them” and “friend or foe” are objectified as tools and products of social cognition, expressed verbally, in linguistic constructions. *Main conclusions:* the concept of social perceptions and the narrative approach are the foundations of socio-psychological imagology in the context of social cognition. The *novelty of the author’s research* lies, firstly, in the fact that the problem of the status of socio-psychological imagology as a field of socio-psychological research has been formulated for the first time. Secondly, it defines the theoretical and methodological foundations of socio-psychological imagology in the context of social cognition. *Practical significance:* the narrative analysis, as well as the study of social perceptions, can be used to diagnose hostile and discriminatory personality relationships within the framework of individual socio-psychological counseling and group psychotherapeutic work.

Keywords: имагология, “our” people, “strangers”, “foe”, “friend”, stereotype, social perceptions, narrative

For citation: Alperovich V. D. Images of “friends” and “strangers” as a subject of socio-psychological imagology. *Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2025, vol. 14, iss. 3 (55), pp. 212–224 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2025-14-3-212-224>, EDN: NEDZSN

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Многие исследователи согласны с тем, что «свой» – «чужой», «враг» – «друг» являются категориями, заложенными в фундамент систем координат географического, культурного, политического и социально-экономического пространства в сознании и восприятии любого человека и группы на протяжении исторических периодов. В этой связи данные категории изучаются в различных областях гуманитарного знания. В социальной ситуации транзитивности, включающей пандемию коронавируса и региональные военные конфликты, бинарные оппозиции «мы – они», «свой – чужой», «враг – друг» играют важнейшую роль в межличностном и межгрупповом восприятии. В

системе «личность – группа – общество» эти конструкты участвуют в процессах категоризации, сравнения и оценивания на микро- и макросоциальном уровнях, в конструировании системы идентичностей, в формировании и реализации паттернов и стратегий общения и взаимодействия субъекта с другими людьми. Данными обстоятельствами обусловлена актуальность их изучения.

В исследовании, представленном в статье, поставлен вопрос о том, насколько правомерно употребление термина «имагология» в социальной психологии. Проблему исследования составляют теоретико-методологические основания такой области знания, как социально-психологическая имагология. С одной стороны, в течение последних пяти десятилетий отмечает-



ся рост междисциплинарных имагологических исследований образов «чужих», прежде всего, в литературоведении, лингвистике, культурологии и политологии. В социальной психологии рассматриваются основы социальных практик вражды и дискриминации, проанализировано содержание субъективных образов дружбы и вражды, «врагов» и «друзей», а также понятие «стереотип» в психологии межгрупповых отношений. С другой стороны, статус социально-психологической имагологии как области социально-психологических исследований остается дискуссионным.

Цель исследования, представленного в статье, заключалась в определении теоретико-методологических оснований социально-психологической имагологии как области психологии социального познания. Предметом исследования выступили концептуальные модели содержания образов «своих» и «чужих» в междисциплинарных имагологических исследованиях и социальной психологии. Сформулирована гипотеза исследования о том, что объект социально-психологической имагологии может быть представлен в комплексах когнитивных элементов, составляющих продукты социального познания. Задачи исследования заключались, во-первых, в том, чтобы сравнить имагологические и социально-психологические концептуальные модели, в которых отражены образы других людей как «своих» и «чужих»; во-вторых, в том, чтобы рассмотреть конструкты «свой-чужой», «враг-друг» в контексте механизмов и инструментов психологии социального познания. В качестве метода исследования применен сравнительный структурно-функциональный анализ имагологических и социально-психологических моделей, отражающих содержание образов других людей как «своих» и «чужих».

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые сформулирована проблема статуса социально-психологической имагологии как области социально-психологических исследований; определены теоретико-методологические основания социально-психологической имагологии в контексте социального познания.

Образы «чужих» как объект имагологии

Термин «имагология» (от лат. *imago* – изображение, образ) введен в научный оборот Н. Dyserinck [1] во второй половине XX в. Има-

гология, зародившись в качестве литературоведческой дисциплины еще в XIX в., к началу XXI в. стала областью междисциплинарных исследований, посвященных формированию и функционированию образов «чужих». Так, О. В. Томберг [2] отмечает, что основы имагологии как научной дисциплины были заложены во французском сравнительно-историческом литературоведении 1950-х годов в рамках изучения образа с точки зрения рецепции «другого»: как формируются и эволюционируют образы-представления о других народах и нациях в индивидуальном и коллективном сознании.

Ряд авторов (В. П. Трыков [3, 4], А. Р. Ощепков [5], Е. В. Папилова [6, 7], А. С. Сенявский, Е. С. Сенявская [8]) согласны с тем, что имагология является областью междисциплинарных гуманитарных исследований, посвященных изучению образов «чужих», «других» в литературном и общественном сознании разных эпох.

В настоящий период развиваются дифференцированные направления имагологических исследований, начиная от фольклорной имагологии и заканчивая культурологической и психологической имагологией. Так, О. В. Томберг отмечает, что филологическая имагология на примере фольклорных и литературных героев «исследует способы актуализации, воплощения и рецепции образов с различных точек зрения на различном материале... Анализ образов «своих» (автообразов) и «чужих» (гетерообразов) часто осуществляется через понятие этностереотипа как устойчивого ценностного суждения о представителях своей и других культур» [2, с. 10].

В литературоведческой имагологии анализируются образы других стран и народов в литературных произведениях, образы иностранцев как носителей «чужого», а в лингвистической имагологии – презентации образов (тропов и конструктов) языковыми средствами, языковых форм как «своих» и «чужих» для носителей языка. О. А. Полякова рассматривает изучение имагологии как «отрасли литературоведческой компаративистики в России, изучающей национальные образы, закономерности восприятия другого/чужого в системе культуры» [9, с. 156], направления в русле сравнительного литературоведения. Объектом имагологического исследования является создание и функционирование культурно-опосредствованных образов «других», «иных», «чужих» в литературных произведениях. Потестарная



имагология направлена на изучение образов власти: политических партий и политических деятелей как «своих» и «чужих»; образы «своих» и «чужих» в установлении и поддержании властных отношений. Потестарная имагология в историческом контексте выступает в качестве исторической имагологии.

Предметной областью имагологических исследований является содержание и репрезентации имаготипических структур. А. Р. Ощепков уточняет, что имагологические структуры – это «ментальные модели, которые служат основой национальной идентичности и самоидентификации той или иной нации, и их объективирование в литературе» [5, с. 252]. В понимании Н. Dyserinck, образы и имаготипические структуры релятивны. Они являются не отражением социальной реальности, а «фиксациями», т.е. идеями или представлениями, воспроизведимыми и поддерживаемыми благодаря смене поколений в историческом контексте (например, понятия «национальный характер», «народная душа», «национальный дух» и т.п.). В этой связи имагология выступает политически ангажированной областью гуманитарного знания. По мнению автора, развитие данной области знаний должно способствовать «превращению» этнопсихологии в «этноимагологию» [1].

J. Leerssen также полагал, что «национальные характеры связаны скорее с общими местами и расхожими мнениями» [10, р. 19]. Следовательно, «национальные характеры» являются представлениями, поддерживаемыми в интертекстуально-коммуникационном пространстве.

Раскрывая и уточняя данные положения, О. В. Томберг отмечает, что в 1960-е гг. в Аахенской литературоведческой школе (Н. Dyserinck, J. Leerssen) выполнялся «анализ национальных характеров в рамках концептуальной диады «свой – чужой» с позиции структурализма». В настоящий период «образы изучаются как репрезентанты дискурсивных стратегий, актуализаторы стереотипов и этностереотипов» [2, с. 9]. В этой связи, по мнению О. В. Томберг, в целом «имагологию можно определить как направление в компаративистике, задачей которого является исследование в литературе образа “другого” через анализ дискурсов, а также выявление средств и механизмов трансляции этого образа в общественное сознание в виде имиджа – стереотипа» [2, с. 9–10].

О. В. Томберг подчеркивает, что предметом имагологических исследований выступают особенности и способы анализа и репрезентации образов «чужих». Автор акцентирует внимание на том, что культурное воспроизведение осуществляется, в частности, благодаря функционированию «гипертекста» (совокупного литературного дискурса), в пространстве которого поддерживаются национальные стереотипы. Автор разделяет утверждение J. Leerssen о том, что стереотипизированные образы в качестве так называемых «имагоконструктов», репрезентированных в текстах, составляют предмет имагологических исследований.

Анализируя теоретико-методологический статус имагологии в настоящий период, В. П. Трыков указывает, что данная дисциплина «изучает прежде всего социально-идеологическую функцию образа «другого», его роль в создании стереотипов и конструировании социокультурной и национальной идентичности» [3, с. 120]. Автор цитируемого исследования делает вывод о том, что «имагология представляет собой разновидность постструктуралистского дискурса. Она экстраполирует постструктуралистские и постмодернистские идеи и методы в сферу изучения «другого» [4, с. 75]. В понимании В. П. Трыкова, постструктуралистский дискурс-анализ выступает имагологическим методом изучения образов «чужих» и «других», конструируемых дискурсивными практиками.

По мнению С. Д. Камаловой [11], разделяющей эти положения, в обществе постмодерна микронarrативные практики, в которых объективированы образы «иных» наций и стран, поддерживают системы идентичности в процессах взаимодействия «своих» и «чужих». В эмпирическом исследовании M. Benlakdar [12] показано, как имагологический анализ обнаруживает дискурсивные конвенции.

А. С. Сенявский и Е. С. Сенявская [8] полагают, что имагологические исследования неразрывно связаны с широкой историко-психологической и культурологической проблематикой взаимоотношений «свой – чужой», «мы – они».

По мнению В. Б. Земскова [13], неотъемлемую часть национальной «картины мира» составляют культурно-специфические образы «других» и «чужих», обусловленные «константами» национального менталитета, основанные на системах социальных представлений, символов, ценностей и исторических нарративов о взаимодействии с ними. А. Р. Ощепков [5]



отмечал, что ментальными структурами (культурными универсалиями, поколенческими ценностями), специфическими для данного социума, в литературном произведении определяется комплекс характеристик персонажей – «чужих». Е. В. Папилова [6, 7], обращаясь к этим положениям, сформулировала выводы о том, что в имагологии образы «чужих» анализируются в качестве стереотипов национального сознания.

Стереотип и имаготип: взаимосвязи имагологических и социально-психологических категорий

В имагологии как междисциплинарной области знаний рассматривается восприятие «другого», «чужого» мира по отношению к «своему» миру. В этой связи первичными формами, «единицами» имагологического анализа выступают авто- и гетеростереотипы.

Следует оговориться, что в современной имагологии взаимосвязи терминов «стереотип», «имагообраз», «имагема», а также терминов «национальный образ» и «имаготип» остаются дискуссионными. С этим согласны различные авторы.

Вслед за М. Фишером, российские имагологи отмечают, что понятие «имаготип» в качестве одной из центральных категорий имагологии подразумевает стабильность образов других культур и их представителей, как «дружественных», так и «враждебных». А. Р. Ощепков [5] и Е. В. Папилова [6, 7] показывают, что имаготипы объединяются в «имаготипные системы», включенные в «имаготипные структуры». Вслед за J. Leerssen, С. Д. Камалова применяет термин «имагема» «для обозначения структур, порождающих полярность противоположных признаков» [14, с. 28], т. е. образов представителей иных этнических и национальных групп, содержащих их противоположные свойства. А. С. Сенявский и Е. С. Сенявская рассматривают понятия «имагема», «национальный образ» и «стереотип» как синонимичные, разделяя убеждение о «естественности» «своей» культуры, в отличие от «чужой», в восприятии ее носителей [8].

M. Świderska [15] вводит понятие «имаготема», подразумевающее комплекс имагем, имеющий утопический или идеологический характер. Автор акцентирует внимание на том, что, в отличие от J. Leerssen, рассматривающего имагемы как «клишированные» характеристи-

ки образов, она включает в состав имаготем имагемы как имена известных людей и литературных героев из иных национальных и этнических групп.

С. Д. Камалова уточняет, что имаготема – это «в широком смысле культурно-опосредованный образ «чужого», обладающий «положительной или отрицательной эмоционально-оценочной нагрузкой» [14, с. 28].

Вслед за J.-M. Moura [16] отечественные имагологи полагают, что имагемы, как и стереотипы, являются устойчивыми образами, амбивалентность содержания которых обусловлено диахотомическим конструктом «свое-чужое». Имаготемы составляют образы, повторяемые в прецедентных текстах (например, значимых фольклорных или литературных произведениях, известных песнях) для данных социальных групп. Имагемы обозначают образы Другого как представителя иной культуры, сформированные большими социальными группами как коллективными субъектами, противоположные содержанию национального самосознания. В понимании О. Ю. Полякова и О. А. Поляковой [17], понятия «национальный образ» и «стереотип» не синонимичны, находятся в отношениях «общее-частное». Стереотипы, включающие имагемы, в свою очередь, входят в сложные, подчас противоречивые, структуры национальных образов. Национальные образы включают константные элементы (клише и «топосы»).

В многочисленных психологических исследованиях, посвященных изучению стереотипов и проводимых практически в течение столетия, они традиционно рассматриваются в качестве «фильтров» субъективного восприятия, имеющих функцию «экономии» когнитивных усилий; признается их ведущая роль в интерпретации личностью некоторых социальных явлений, объектов и членов иных социальных групп. Термины «стереотип», виды, функции стереотипов и результаты различных эмпирических исследований стереотипов были неоднократно освещены и тщательно проанализированы отечественными авторами (О. А. Гулевич [18], Н. М. Лебедевой [19], Т. Г. Стефаненко [20]). По этой причине подробный обзор понятия «стереотип» в данной статье не представлен. Приведем лишь некоторые определения.

О. А. Гулевич, анализируя феномены психологии межгрупповых отношений, акцентирует внимание на том, что «под стереотипом



понимается набор черт, приписываемых членам определенной социальной группы» [18, с. 147]. Данный набор черт приписывается респондентами также странам в целом.

Т. Г. Стефаненко, опираясь на концепцию стереотипа У. Липпмана, подчеркивала, что «важную роль в межгрупповых отношениях играют социальные стереотипы – упрощенные, схематизированные образы социальных объектов, характеризующиеся высокой степенью согласованности индивидуальных представлений» [20, с. 285].

Н. М. Лебедева в контексте изучения этнической идентичности отмечает, что этнические стереотипы – это «упрощенные, схематизированные, эмоционально окрашенные и чрезвычайно устойчивые образы какой-либо этнической группы, легко распространяемые на всех ее представителей» [19, с. 34].

Стереотипы составляют одно из традиционных, «обжитых» предметных полей социальной психологии. Тем не менее, понятие «имагология» в российской социальной психологии, признаваясь литературоведческим, не является востребованным и не распространяется на данную сферу исследований, тогда как, с нашей точки зрения, содержание и структура образов партнеров по общению как «чужих», представления субъекта о «чужих» и их отличиях от «своих» можно назвать предметом социально-психологической имагологии.

«Свой – чужой», «враг – друг» в имагологических и социально-психологических исследованиях

Содержание субъективного «образа мира» объективируется в концептуальном знании и презентируется в словах естественных языков. Различные бинарные оппозиции («добро-зло», «мужское-женское», «свет-тьма», «мы-оны», «свой-чужой») отражают основные категории и концепты, которые составляют базу «образа мира» субъекта. Так, в понимании Е. В. Рягузовой, архетипические дилеммы «мы – оны», «свой – чужой» становятся регуляторами системы отношений личности к себе и с другими людьми [21].

Ключевыми имагемами в имагологии являются образы «чужого» и «врага». Ю. В. Ермохина, Л. Н. Набилкина [22] отмечают, что характеристики образов «своих» и «чужих» являются предметом имагологического исследования. В. Гао [23] также согласна с тем, что

бинарная оппозиция «свой – чужой» становится универсальным фундаментом конструирования образов иных культур и их представителей.

По мнению А. С. Сенявского и Е. С. Сенявской, имагема «образ врага» рассматривается как «идеолого-психологическая конструкция» [8, с. 55], составляющая феномен массового сознания: «образ врага» «исторически конкретен, зависит от социокультурных условий, сочетает пропагандистские мифы и стереотипы» [8, с. 64]. Авторы отмечают, что «образ врага» – это представления субъекта или группы о других субъектах как «носителях» физической или психологической угрозы их существованию и деятельности. Содержание и структура образа «врага», приписываемые ему свойства определяются актуальными параметрами социального сравнения.

Многие исследования в различных областях гуманитарного знания посвящены изучению ведущей роли категорий «свой» – «чужой», «враг» – «друг» в процессах межличностного и межгруппового восприятия и понимания, их функции предиктора стратегий взаимодействия с другими людьми. Применение бинарных оппозиций «свой» – «чужой», «враг – друг» выступает инструментом категоризации окружающих людей.

Известно, что под идеологическим и медийным влиянием последняя актуализируется в сознании личности и группы в исторические периоды различных социальных потрясений, включая пандемию COVID-19 и региональные военные столкновения (Т. Л. Лабутина [24], Т. А. Нестик [25]). Дилеммические конструкты «свой – чужой», «враг – друг» служат «призмой», посредством которой осуществляется восприятие и интерпретация разных социальных объектов и других субъектов в качестве партнеров по общению.

В социально-психологических исследованиях неоднократно рассматривались позитивные, негативные и амбивалентные характеристики, которые в обыденном сознании приписываются «врагам» и «друзьям», «своим» и «чужим» как объектам представлений (Д. Н. Тулинова [26], Ю. Э. Ширков [27]) и субъектам межличностных отношений вражды и дружбы (В. Е. Каган [28], З. И. Рябикова, Н. А. Васильченко [29]). Так, Б. Шефер с соавторами [30] предложили ступенчатую интегративную модель восприятия «чужого», предполагающую, что интерпретация харак-



теристик, приписываемых ему субъектом, определяется тремя предикторами: социальной идентичностью, опытом интеракций и знаниями о «чужих». Модальность отношений к «чужому» партнеру по общению на каждой «ступени» процесса восприятия определяется комбинацией этих факторов: безразличие либо опасение неизвестных «других» сменяется амбивалентностью оценок знакомых «чужих», с которыми еще нет опыта взаимодействия, и затем враждебностью по отношению к «чужим», представляющим «угрозу идентичности» субъекта. «Чужие» превращаются в «своих» при наличии знаний о них, опыта взаимодействия с ними и соответствия идентичностям субъекта.

В современной зарубежной и российской социальной психологии исследования, посвященные «своим» и «чужим» людям, «врагам» и «друзьям» как категориям Другого, проводятся в следующих направлениях: 1) изучается роль конструкта «свой – чужой» в формировании и поддержании этнического «образа мира» (Т. М. Никаева [31], М. В. Рябова [32], М. кызы Эргешбай с соавторами [33]); 2) рассматривается роль конструктов «свой – чужой», «враг – друг» в социальной категоризации и социальном сравнении в повседневном общении (Г. М. Андреева [34, 35], В. Е. Каган [28], А. У. Качмазова с соавторами [36], Е. В. Рягузова [21], Р. М. Шамионов с соавторами [37]); 3) развивается социальная психология межличностных отношений вражды и дружбы (З. И. Рябикова, Н. А. Васильченко [29]); 4) анализируются особенности взаимодействия участников миграционных процессов (В. В. Гриценко с соавторами [38]); 5) изучается т.н. «язык вражды» (Е. В. Тихонова [39], В. Н. Ярская [40]); 6) наблюдается рост исследований в области социальной психологии дискриминации (В. А. Лабунская [41], Р. М. Шамионов и др. [37]); 7) разработана социальная психология представлений о «друзьях» и «врагах», дружбе и вражде (В. А. Лабунская [41], Д. Н. Тулинова [26], Ю. Э. Ширков [27]).

Бинарные оппозиции «свой – чужой», «мы – они» способствуют формированию и поддержанию этнической идентичности в качестве категорий восприятия членов этнических групп. Ряд авторов (Т. М. Никаева [31], М. В. Рябова [32], М. кызы Эргешбай с соавторами [33]) показывают, что этническая группа как коллективный субъект вырабатывает системы инструментов оценивания себя и категоризации явлений окружающего мира, создавая образы

«своих» и «чужих», в том числе «дружественных» и «враждебных» миров, которые интериоризируются субъектом в социализации. Эти процессы опосредствуются так называемыми этнокультурными кодами (комплексами «ключевых» концептов и образов, присущих данной этнической культуре).

В фокусе внимания исследователей остается содержание образов других людей, которым во взаимодействии с «я» и «мы» приписываются социально-психологические статусы «врагов» и «друзей», «своих» и «чужих». В частности, зарубежные и отечественные психологи изучают характеристики «чужих» и «врагов» как противников и соперников в политическом и экономическом пространствах межличностных и межгрупповых отношений, а также в виртуальном пространстве онлайн-игр (Т. А. Нестик [25]; Н. Koizumi [42]; G.-Y. Liao с соавторами [43]). Например, Т. А. Нестик [25] отмечает, что в условиях долговременных военных конфликтов наблюдается радикализация политических установок членов данного общества относительно внешних и внутренних «чужих» и «врагов».

В ситуации социальной транзитивности проводится изучение характеристик «врагов» и «друзей», особенностей враждебных и дружественных отношений, значимых для субъекта в микросоциальных контекстах повседневного общения, в формальной и неформальной сферах (семья, близкие, коллеги). Например, актуально изучение частоты контактов с друзьями, поддержки со стороны друзей в связи с выраженной тревожностью, выбором копинг – стратегий, психологической зависимостью от использования мобильных телефонов, а также в связи с возрастным этапом, на котором находится субъект (А. R. Anderson, M. Lastrapes [44], R. Gershon с соавторами [45], Y. Sun с соавторами [46]). З. И. Рябикова и Н. А. Васильченко [29] установили, что повышение ресурсов саморегуляции происходит в дружественных отношениях.

Наличие локальных военных конфликтов в разных странах мира способствует эскалации миграционной проблематики. В этой связи рассматривается категоризация партнеров по общению в процессах взаимодействия мигрантов и коренного населения. Так, например, в исследовании В. В. Гриценко с соавторами [38] получены эмпирические данные о стереотипизации образов мигрантов и гастарбайтеров, наделяемых статусами «своих» и «чужих».



Под «языком вражды» (hate speech) подразумеваются языковые конструкции в дискурсивных практиках конструирования образов других людей в качестве «чужих», «противников» и «врагов». Это речевые выражения, в которых объективированы предрассудки и предубеждения по отношению к членам иных социальных групп, в т.ч. этнических, культурных, религиозных, основанные на атрибуции им негативных характеристик (Е. В. Тихонова [39], В. Н. Ярская [40]). Данные языковые конструкции фиксируют стереотипизацию и дегуманизацию образов определенных коммуникативных партнеров, устанавливают различия между «своими» и «чужими» (В. Г. Маралов, Т. П. Маралова [47]). Например, неоднократно проводились исследования, в которых установлено, что иммигрантам приписывается участие в организации негативных социальных явлений (преступности, алкоголизма, наркомании) (В. Е. Каган [28], А. У. Качмазова с соавторами [36]). Обобщенные стереотипизированные характеристики трансформируются в социальные «лейблы» для представителей других групп. Значимая роль предубеждений в межгрупповых отношениях, согласно данным М. В. Котовой [48], обусловлена тем, что они фиксируются социальной памятью и социальной структурой. А. У. Качмазовой с соавторами [36] изучены когнитивные механизмы этнических стереотипов, а также предложена «реверсная» модель этнической стереотипизации, посвященная дифференциации механизмов восприятия членами различных субэтнических групп друг друга как «своих» и «чужих».

Дискриминационные практики по отношению к другим людям в обыденном общении, основанные на различных критериях (в том числе возраст, гендер, вес), составляют предметную область магистрального направления исследований роли, которую играют дихотомические конструкты «свой – чужой», «мы – они» в межличностных и межгрупповых отношениях. Р. М. Шамионов с соавторами [37] предлагают рассматривать повседневные стрессоры (неприятные ситуации, связанные с ошибочным планированием, финансовыми затруднениями и т.п.) в качестве предикторов конативного и аффективного компонентов дискриминационных установок. В исследовании А. У. Качмазовой с соавторами [36], посвященного изучению дискриминационных практик, зафиксирована особая роль переменной «этническая принадлежность» в их предикции. В работе В. А. Лабунской [41] показано, что

переменная «внешний облик», выступает предиктором «эйджизма», «лукизма», «этнолукизма» и «эйджизма».

«Свои», «чужие» и «образ мира» в психологии социального познания

В контексте социального познания «образ мира» был впервые рассмотрен Г. М. Андреевой [34, 35]. Г. М. Андреева предложила понятие «образ социального мира», предполагающее, что его структура включает образы других людей как коммуникативных партнеров [34, 35]. Она указывала, что основная задача психологии социального познания состоит в исследовании «образа социального мира»: «Исходный пункт психологии социального познания – анализ того, как строит образ социального мира не исследователь, а рядовой человек, движимый потребностями своего собственного опыта» [34, с. 32]. По мнению Г. М. Андреевой, «итогом осмыслиения человеком окружающих его социальных объектов и ситуаций является построение целостного образа социального мира» [35, с. 99]. «Образ социального мира» формируют противоречивые и изменчивые образы окружающей среды, социальных групп, временных периодов и «Я»-образы, создание которых обеспечивается социальной категоризацией. Г. М. Андреева полагала, что «образ социального мира», поддерживаемый субъектом или группой в перманентной внутри- и межгрупповой коммуникации, обусловлен языковыми конструкциями, речевыми формами: «Различное видение мира осуществляется прежде всего именно через посредство употребляемого языка. ...Строя образ того или иного социального объекта, индивид обязательно называет его, т.е. так или иначе использует уже существующую систему значений» [34, с. 34]. В понимании ученого, в этой связи теоретико-методологической основой анализа «образа социального мира» в контексте социального познания выступает теория социальных представлений, а также теория социальной идентичности.

Теория социальных представлений и российская концепция социальных представлений в социальной психологии обширно освещены в течение пяти десятилетий. Социальные представления рассматриваются в качестве особой формы социального знания – с одной стороны, его инструментов, с другой стороны, его продуктов, обеспечивающих восприятие субъек-

тами группового единства. Это когнитивные комплексы, направленные на интерпретации и осмысление социальных феноменов и объектов, значимых для группы. Социальные представления, поддерживая системы идентичностей и социальные отношения, способствуют приобретению объектами, «неизвестными» для группы, статусов «привычных», «известных». Термин «нарратив» неотъемлемо связан с термином «социальные представления». Многочисленные работы зарубежных авторов, известные социальным психологам, и отечественные исследования в течение четырех десятилетий посвящаются нарративам – рассказам, имеющим структуру, включающим последовательность событий во времени, репрезентирующими вымышленные сюжеты и истории, основанные на фактах. Посредством нарративов субъект интерпретирует и индивидуализирует содержание социальных представлений, отражая его в речевых формах.

Заключение

В авторском теоретическом исследовании показано, что, в отличие от более традиционных лингвокультурных, литературоведческих и исторических имагологических исследований, социально-психологические работы, посвященные образам «своих» и «чужих», «врагов» и «друзей», ориентированы на широкий диапазон социокультурных контекстов и обладают дифференцированными предметными полями. В социально-психологических исследованиях раскрываются не «имаготипы» других стран и членов иных социальных групп, имеющие абстрактный, обобщенный характер, а свойства и содержание образов «своих» и «чужих» людей как партнеров по общению, сформированные в микросоциальном взаимодействии.

В русле теории социальных представлений функцию интеграции «фигуративного ядра» представления обеспечивает «темата» – «ключевые» темы и идеи, опирающиеся на дихотомические конструкты («зло – добро», «низ – верх», «женское – мужское», «мы – они» и т.д.). Одними из основных бинарных оппозиций выступают оппозиции «свой – чужой», «враг – друг». В контексте российской психологии социального познания определены структурно-содержательные характеристики представлений о вражде и дружбе, «врагах» и «друзьях» (В. А. Лабунская [41], Д. Н. Тулинова [26], Ю. Э. Ширков [27]),

нами рассмотрены нарративы о ситуациях взаимодействия субъекта со «своими» и «чужими» партнерами по общению, «врагами» и «друзьями». «Ядерная» и «периферийная» части данных представлений включают стабильные / изменчивые положительные, отрицательные и амбивалентные свойства «врагов» и «друзей».

Результаты теоретического исследования свидетельствуют в пользу гипотезы о том, что объект социально-психологической имагологии может быть представлен в комплексах когнитивных элементов, составляющих продукты социального познания: социальных представлениях и нарративах. С нашей точки зрения, российская концепция социальных представлений, восходящая к французской социально-психологической теории социальных представлений, позволяет анализировать представления субъекта о «своих» и «чужих» людях, «врагах» и «друзьях», в которых объективирована социально-психологическая имагология, как инструменты и результаты социального познания.

Практическая значимость исследования заключается в следующем: показано, что анализ нарративов и социальных представлений может обладать диагностическим потенциалом в контексте изучения враждебных и дискриминационных отношений личности. Дальнейшие эмпирические исследования могут быть посвящены рациональным и мифологическим компонентам актуальных социальных представлений членов различных больших групп о «чужих». Они могут осуществляться в русле подхода, сочетающего положения нарративной психологии и теории социальных представлений в российской социальной психологии.

Библиографический список

1. *Dyserinck H. Imagology and the Problem of Ethnic Identity // Intercultural Studies. 2003. № 1. URL: <http://intercultural-studies.org/ICS1/Dyserinck.shtml> (дата обращения: 10.03.2025).*
2. Томберг О. В. Имагология как научное направление: аспекты изучения образа // Образ России в международном образовательном дискурсе: лингвокогнитивный и лингводидактический аспекты / под ред. Е. В. Дзюбы. Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет 2019. С. 8–18. EDN: GHGBW
3. Трыков В. П. Имагология и имагопоэтика // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 3. С. 120–129. <https://doi.org/10.17805/zpu.2015.3.10>, EDN: UIWQNF



4. Трыков В. П. Проблема правдивости образа «Другого» в имагологии // Литература в школе. 2020. № 3. С. 62–76. <https://doi.org/10.31862/0130-3414-2020-3-62-76>, EDN: MTAXJK
5. Ощепков А. Р. Имагология // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 1. С. 251–253. EDN: MKUSMH
6. Папилова Е. В. Имагология в рамках филологии // *Art Logos* (искусство слова). 2024. № 1 (26). С. 204–213. https://doi.org/10.35231/25419803_2024_1_204, EDN: UYBTEO
7. Папилова Е. В. Категориальный аппарат имагологии // Имагология и компаративистика. 2024. № 22. С. 145–155. <https://doi.org/10.17223/24099554/22/9>
8. Сенявский А. С., Сенявская Е. С. Историческая имагология и проблема формирования «образа врага» (на материалах российской истории XX в.) // Вестник Российской университета дружбы народов. Сер.: История России. 2006. № 2 (6). С. 54–72. EDN: ILAFEL
9. Полякова О. А. Истоки отечественной имагологии // Концепт. 2016. № 7. С. 156–163. EDN: WFBGHX
10. Leerssen J. *Imagology: History and method*. Leiden, The Netherlands: Brill. 2007. Р. 17–32. https://doi.org/10.1163/9789004358133_003
11. Камалова С. Д. Постмодернизм Лиотара и филологическая имагология: точки соприкосновения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17, вып. 10. С. 3534–3540. <https://doi.org/10.30853/phil20240499>, EDN: IWQXXQ
12. Benlakdar M. *Imagology and Cultural Translation: How Are Images of Arab Youth Constructed and Translated?* // *ALTRALANG Journal*. 2024, Vol. 6, № 1. Р. 263–275. <https://doi.org/10.52919/altralang.v6i1.423>
13. Земсков В. Б. Россия «на переломе» // На переломе: образ России прошлой и современной в культуре, литературе Европы и Америки (конец XX – начало XXI вв.) / отв. ред. В. Б. Земсков. М. : Новый хронограф, 2011. 696 с. EDN: SUORYL
14. Камалова С. Д. Специфика понятийного аппарата имагологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 10 (88). Ч. 1. С. 26–29. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-10-1.5>, EDN: YAKKXZ
15. Świderska M. Comparativist Imagology and the Phenomenon of Strangeness. // *CLCWeb: Comparative Literature and Culture*, 2013. Vol. 15, iss. 7. Article 13. <https://doi.org/10.7771/1481-4374.2387>
16. Moura J.-M. *L'Imagologie Littéraire: tendances actuelles* // *Perspectives comparatistes*. Édit. J. Bessière, D.-H. Pageaux. Paris : Honoré Champion Éditeur, 1999, pp. 181–192.
17. Поляков О. Ю., Полякова О. А. Имагология: теоретико-методологические основы. Киров : Радуга-ПРЕСС, 2013. 162 с. EDN: XSJSN
18. Гулевич О. А. Психология межгрупповых отношений. М.: Московский психолого-социальный институт, 2007. 432 с. EDN: THFNCD
19. Лебедева Н. М. Этническая и кросс-культурная психология. М. : МАКС Пресс, 2011. 423 с. EDN: QPTUNL
20. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М. : Аспект Пресс, 2006. 368 с. EDN: QPBVQR
21. Рягузова Е. В. Трансформация картины мира и способов категоризации Другого у современного ребенка // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2018. Т. 7, вып. 3 (27). С. 228–237. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2018-7-3-228-237>, EDN: XYKVNB
22. Ермохина Ю. В., Набилкина Л. Н. Имагология и диалог культур в медиапространстве // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2024. Т. 15. № 3. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/02KLSK324.pdf> (дата обращения: 10.03.2025). EDN: LXKZH
23. Гао В. Имагология как наука об образе чужой культуры // Казанская наука. 2023. № 12. С. 202–204. EDN: NAZWZV
24. Лабутина Т. Л. К вопросу об этнических стереотипах в исторической имагологии: трансформация образа «чужого» в образ «врага» // «Свой» / «чужой» в кросс-культурных коммуникациях стран Запада и России / отв. ред. Т. Л. Лабутина. СПб. : Алетейя, 2019. С. 47–61. EDN: FKSEXS
25. Нестик Т. А. Влияние военных конфликтов на психологическое состояние общества: перспективные направления исследований // Социальная психология и общество. 2023. Т. 14. № 4. С. 5–22. <https://doi.org/10.17759/sps.2023140401>, EDN: PYCAPP
26. Тулинова Д. Н. Представления о Враге и Друге в связи с отошением к жизни на разлочных этапах: дис. ... канд. психол. наук. Ростов-на-Дону, 2005. 288 с. EDN: NNMVPP
27. Ширков Ю. Э. Стратегии самокатегоризации в системе представлений о «своих» и «чужих» : автореф. дис. ... канд. психол. наук.. М., 2009. 29 с. EDN: NKZPGZ
28. Каган В. Е. Homo xenophobicus: психология «своего и чужого» // Национальный психологический журнал. 2011. № 2 (6). С. 40–45. EDN: OMVGJH
29. Рябикова З. И., Васильченко Н. А. Дружба как фактор трансформации саморегуляционных процессов личности // Теоретическая и экспериментальная психология. 2023. Т.16. № 4 (16). С. 28–46. <https://doi.org/10.11621/TER-23-27>, EDN: PNXCJY
30. Шефер Б., Скарабис М., Шледер Б. Социально-психологическая модель восприятия чужого: идентичность, знание, амбивалентность // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2004. Т. 1, № 1. С. 24–51. EDN: QJELLN
31. Никаева Т. М. Этнические стереотипы в образе мира русских, якутов, эвенков и эвенов // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2013. Т. 10, № 3. С. 75–81. EDN: RQDONL



32. Рябова М. В. Этнические образы мира в процессе художественного перевода // Альманах современной науки и образования. 2013. № 10 (77). С. 154–156. EDN: RDPARH
33. Эргешбай кызы М., Тагаев М. Д., Темиркулова Б. А. Модели описания языка и лингвокультурный код в создании образов мира в тюркских и русском языках // Бюллетень науки и практики. 2023. Т. 9, № 3. С. 521–528. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/88/71>, EDN: OWNAHY
34. Андреева Г. М. Образ мира в структуре социального познания // Мир психологии. 2003. № 4 (36). С. 31–41. EDN: RVQCVK
35. Андреева Г. М. Психология социального познания. М. : Аспект Пресс, 2005. 288 с. EDN: QODLDH
36. Качмазова А. У., Тамерьян Т. Ю., Рахматулаева Т. Г. Реверсная модель этнической стереотипизации «чужие ↔ свои» // Евразийский гуманитарный журнал. 2019. № 54 (2). С. 4–13. EDN: VBLXIK
37. Шамионов Р. М., Абуталипова В. К., Григорьева М. В. Повседневные стрессоры и аффекты как предикторы общей дискриминационной установки // Экспериментальная психология. 2024. Т. 17, № 4. С. 168–181. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2024170411>, EDN: SOZYMX
38. Гриценко В. В., Ефременкова М. Н., Муращенко Н. В. Социальные представления студентов об эмиграции и эмигранте // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020. Т. 5. № 4 (20). С. 171–195. <https://doi.org/10.38098/ipran.sep.2020.20.4.007>, EDN: IYNSKN
39. Тихонова Е. В. Стереотипизация и дискриминация этнокультурных групп: «отмывание информации» и «язык вражды» новых медиа // Мировое культурно-языковое и политическое пространство: инновации в коммуникации : сб. науч. тр. / под ред. Л. К. Раицкой, С. Н. Курбаковой, Н. М. Мекеко. М. : Издательство РУДН, 2015. С. 485–503. EDN: VIWTIB
40. Ярская В. Н. Язык мой – враг мой: расистский дискурс в российском обществе // Социологические исследования. 2012. № 6 (338). С. 46–53. EDN: PBTULD
41. Лабунская В. А. Теоретико-эмпирические подходы к исследованию отношения к этнолукизму // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7, № 4. С. 19–33. <https://doi.org/10.17759/sps.2016070402>, EDN: XEEUAN
42. Koizumi H. The enemy of my enemy is my friend: new conditions for network games // Economic Theory Bulletin. 2023. Vol. 11, iss. 2. P. 223–233. <https://doi.org/10.1007/s40505-023-00253-7>
43. Liao G.-Y., Huang T.-L., Dennis A. R., Teng C.-I. Friend-connecting affordances: Playing online games to contact friends // Internet Research. 2023. Vol. 34, №. 4. P. 1249–1272. <https://doi.org/10.1108/INTR-06-2022-0419>
44. Anderson A. R., Lastrapes M. Examining the Longitudinal Bi-Directional Associations of Friend Engagement, Social Functioning, and Depression // Psychological Reports. 2024. P. 1–36. <https://doi.org/10.1177/00332941241241632>
45. Gershon R., Cryder C., Milkman K. L. Friends with Health Benefits: A Field Experiment // Management Science. 2024. Vol. 71, № 1. P. 584–594. <https://doi.org/10.1287/mnsc.2022.01401>
46. Sun Y., He J., Li Y., Yu L., Li W., Jin W., Fu Y., Zhang G., Wang Q. Social anxiety and problematic smartphone use in Chinese college students: The mediating roles of coping style and the moderating role of perceived friend support // Current Psychology. 2024. Vol. 43, iss 19. P. 17625–17634. <https://doi.org/10.1007/s12144-024-05699-x>
47. Маралов В. Г., Маралова Т. П. Психологические детерминанты дифференциации отношения к людям по принципу «свой-чужой» // Вестник Вятского государственного университета. 2021. № 1 (139). С. 88–96. <https://doi.org/10.25730/VSU.7606.21.009>, EDN: CUQYUG
48. Котова М. В. Трансформация предубеждения в неявные формы как индикатор его функций в межгрупповых отношениях // Социальная психология и общество. 2024. Т. 15, № 1. С. 57–75. <https://doi.org/10.17759/sps.2024150104>, EDN: EDNNNA

References

1. Dyserinck H. Imagology and the Problem of Ethnic Identity. *Intercultural Studies*, 2003, no. 1. Available at: <http://intercultural-studies.org/ICS1/Dyserinck.shtml> (accessed March 10, 2025).
2. Tomberg O. V. Imagology as a scientific field: aspects of image study. In: *Obraz Rossii v mezhdunarodnom obrazovatel'nom diskurse: lingvokognitivnyi i lingvodidakticheskii aspekty*. Pod red. E. V. Dzyuba [Dzyuba E. V., ed. The image of Russia in international educational discourse: Linguocognitive and linguodidactic aspects]. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2019, pp. 8–18 (in Russian). EDN: GHSGBW
3. Trykov V. P. Imagology and imagopoetics. *Znanie. Ponimanie. Umenie = Knowledge. Understanding. Skill*, 2015, no. 3, pp. 120–129 (in Russian). <https://doi.org/10.17805/zpu.2015.3.10>, EDN: UIWQNF
4. Trykov V. P. Issue of the truthfulness of the image of «Another» in imagology. *Literatura v shkole = Literature at School*, 2020, no. 3, pp. 62–76 (in Russian). <https://doi.org/10.31862/0130-3414-2020-3-62-76>, EDN: MTAXJK
5. Oshchepkov A. R. Imagology. *Znanie. Ponimanie. Umenie = Knowledge. Understanding. Skill*, 2010, no. 1, pp. 251–253 (in Russian). EDN: MKUSMH
6. Papilova E. V. Imagology within Philology. *Art Logos (iskusstvo slova) = Art Logos (the art of words)*, 2024, no. 1 (26), pp. 204–213 (in Russian). https://doi.org/10.35231/25419803_2024_1_204, EDN: UYBTEO
7. Papilova E. V. Categorical apparatus of imagology. *Imagologiya i komparativistika = Imagology and Com-*



- parative Studies*, 2024, no. 22, pp. 145–155 (in Russian). <https://doi.org/10.17223/24099554/22/9>
8. Senyavski A. S., Senyavskaya E. S. The historical imagology and the problem of building of «the enemy's image» (on the materials of Russian history of the XXth century). *RUDN Journal of Russian History*, 2006, no. 2 (6), pp. 54–72 (in Russian). EDN: ILAFEL
 9. Polyakova O. A. Beginnings of Russian imagology. *Kontsept = Concept*, 2016, no. 7, pp. 156–163 (in Russian). EDN: WFBGHX
 10. Leerssen J. *Imagology: History and Method*. In: *Imagology*. Leiden, The Netherlands, Brill, 2007, pp. 17–32. https://doi.org/10.1163/9789004358133_003
 11. Kamalova S. D. Lyotard's postmodernism and philosophical imagology: Points of contact. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philology. Theory & Practice*, 2024, vol. 17, iss. 10, pp. 3534–3540 (in Russian). <https://doi.org/10.30853/phil20240499>, EDN: IWQXXQ
 12. Benlakdar M. Imagology and Cultural Translation: How Are Images of Arab Youth Constructed and Translated? *ALTRALANG Journal*, 2024, vol. 6, no. 1, pp. 263–275. <https://doi.org/10.52919/altralang.v6i1.423>
 13. Zemskov V. B. *Russia «at a turning point»*. In: *Na perełome: obraz Rossii proshlo i sovremennoi v kul'ture, literature Evropy i Ameriki (konets XX – nachalo XXI vv.)*. Otv. red. V. B. Zemskov [Zemskov V. B., res. exec. ed. At a turning point: The Image of Russia Past and Present in the Culture and Literature of Europe and America (late 20th – early 21st centuries)]. Moscow, Novyy khronograf, 2011. 696 p. (in Russian). EDN: SUORYL
 14. Kamalova S. D. Specificity of the conceptual apparatus of imagology. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philology. Theory & Practice*, 2018, no. 10 (88), pt. 1, pp. 26–29 (in Russian). <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-10-1.5>, EDN: YAKKXZ
 15. Świderska M. Comparativist Imagology and the Phenomenon of Strangeness. *CLCWeb: Comparative Literature and Culture*, 2013, vol. 15, iss. 7, article 13. <https://doi.org/10.7771/1481-4374.2387>
 16. Moura J.-M. L'Imagologie Littéraire: tendances actuelles. En: Bessière J., Pageaux D.-H. édit. *Perspectives Comparatistes*. Paris, Honoré Champion Éditeur, 1999, pp. 181–192 (in French).
 17. Polyakov O. Yu., Polyakova O. A. *Imagologiya: teoretko-metodologicheskie osnovy* [Imagology: Theoretical and methodological foundations]. Kirov, Raduga-PRESS, 2013. 162 p. (in Russian). EDN: XSDSJN
 18. Gulevich O. A. *Psichologiya mezhgruppovykh otnoshenii* [Psychology of intergroup relations]. Moscow, Moscow Institute of Psychology and Social Sciences Publ., 2007. 432 p. (in Russian). EDN: THFNCD
 19. Lebedeva N. M. *Etnicheskaya i kross-kul'turnaya psichologiya* [Ethnic and cross-cultural psychology]. Moscow, MAX Press, 2011. 424 p. EDN: QPTUNL
 20. Stefanenko T. G. *Etnopsichologiya* [Ethnopsychology]. Moscow, Aspect Press, 2006. 368 p. (in Russian). EDN: QPYQQR
 21. Ryaguzova E. V. Transformation of Worldview and Ways of Categorization the Other in a Modern Children. *Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2018, vol. 7, iss. 3 (27), pp. 228–237 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2018-7-3-228-237>, EDN: XYKVNB
 22. Ermokhina Yu. V., Nabilkina L. N. Imagology and dialogue of cultures in the media space. *Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya = World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, 2024, vol. 15, no. 3. Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/02KLSK324.pdf> (accessed March 10, 2025) (in Russian). EDN: LXKZHZ
 23. Gao W. Imagology as the science of the image of other culture. *Kazanskaya nauka = Kazan Science*, 2023, no. 12, pp. 202–204 (in Russian). EDN: NAZWZV
 24. Labutina T. L. *On the issue of ethnic stereotypes in historical imagology: The transformation of the image of a “alien” into the image of an “enemy”*. In: «Svoi» / «chuzhoi» v kross-kul'turnykh kommunikatsiyakh stran Zapada i Rossii / otv. red. T. L. Labutina [Labutina T. L., res. exec. ed. “Friend” / “stranger” in cross-cultural communications of Western countries and Russia]. St. Petersburg, Aleteyya, 2019, pp. 47–61 (in Russian). EDN: FKSEXS
 25. Nestik T. A. The Influence of Military Conflicts on the Psychological State of Society: Promising Areas of Research. *Sotsial'naya psichologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2023, vol. 14, no. 4, pp. 5–22 (in Russian). <https://doi.org/10.17759/sps.2023140401>, EDN: PYCAPP
 26. Tulinova D. N. *Representations of the Enemy and Friend in connection with the attitude to life at various stages*. Diss. Cand. Sci. (Psychol.). Rostov-on-Don, 2005. 288 p. (in Russian). EDN: NNMVPP
 27. Shirkov Yu. E. *Strategies of self-categorization in the system of ideas about ‘friends’ and ‘strangers’*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Psychol.). Moscow, 2009. 29 p. (in Russian). EDN: NKZPGZ
 28. Kagan V. Ye. Homo xenophobicus: psychology of «own» and «alien». *Natsional'nyi psichologicheskii zhurnal = National Psychological Journal*, 2011, no. 2 (6), pp. 40–45 (in Russian). EDN: OMVGJH
 29. Ryabikina Z. I., Vasilchenko N. A. Friendship as a factor of transformation of self-regulatory processes of personality. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psichologiya = Theoretical and Experimental Psychology*, 2023, vol. 16, no. 4 (16), pp. 28–46 (in Russian). <https://doi.org/10.11621/TEP-23-27>, EDN: PNXCJY
 30. Schaefer B., Scarabis M., Schleider B. Social-psychological model of perception of the alien: Identity, knowledge, ambivalence. *Psichologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2004, vol. 1, no. 1, pp. 24–51 (in Russian). EDN: QJELLN
 31. Nikaeva T. M. Ethnic stereotypes in the worldview of Russians, Yakuts, Evenks and Evens. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Ammosova = Vestnik of North-Eastern Federal University*, 2013, vol. 10, no. 3, pp. 75–81 (in Russian). EDN: RQDONL



32. Ryabova M. V. Ethnic images of the world in fiction translation process. *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya = Almanac of Modern Science and Education*, 2013, no. 10 (77), pp. 154–156 (in Russian). EDN: RDPARH
33. Ergeshbai kyz M., Tagaev M., Temirkulova Y. Models of Language Description and Linguocultural Code in Creating Images of the World in Turkic and Russian Languages. *Byulleten' nauki i praktiki = Bulletin of Science and Practice*, 2023, vol. 9, no. 3, pp. 521–528 (in Russian). <https://doi.org/10.33619/2414-2948/88>, EDN: OWNAHY
34. Andreva G. M. An image of the world in structure of social knowledge. *Mir Psichologii = World of Psychology*, 2003, no. 4 (36), pp. 31–41 (in Russian). EDN: RVQCVK
35. Andreeva G. M. *Psichologiya sotsial'nogo poznaniya* [Psychology of Social Cognition]. Moscow, Aspect Press, 2005. 288 p. (in Russian). EDN: QODLDH
36. Kachmazova A. U., Tameryan T. Yu., Rakhmatulalova T. G. Reverse model of ethnic stereotyping «strangers ↔ own». *Evraziiskii gumanitarnyi zhurnal = Eurasian Humanities Journal*, 2019, no. 54 (2), pp. 4–13 (in Russian). EDN: VBLXIK
37. Shamionov R. M., Abutalipova V. K., Grigorieva M. V. Everyday stressors and affects as predictors of a general discriminatory attitude. *Eksperimental'naya psichologiya = Experimental Psychology*, 2024, vol. 17, no. 4, pp. 168–181 (in Russian). <https://doi.org/10.17759/exppsy.2024170411>, EDN: SOZYMX
38. Gritsenko V. V., Efremenkova M. N., Murashcenko N. V. Student's social representations of emigration and emigrant. *Institut psichologii Rossiiskoi akademii nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psichologiya = Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Social and Economic Psychology*, 2020, vol. 5, no. 4 (20), pp. 171–195 (in Russian). <https://doi.org/10.38098/ipro.2020.20.4.007>, EDN: IYNSKN
39. Tikhonova E. V. Stereotyping and discrimination against ethnocultural groups: “Information laundering” and “hate speech” in new media. In: *Mirovoe kul'turno-yazykovoe i politicheskoe prostranstvo: Innovatsii v kommunikatsii: sbornik nauchnykh trudov / pod red. L. K. Raitskoi, S. N. Kurbakovo, N. M. Mekeko*. [Raitskaya L. K., Kurbakova S. N., Mekeko N. M., eds. The world cultural, linguistic and political space: Innovations in communication: Collection of scientific papers]. Moscow, RUDN University Publ., 2015, pp. 485–503 (in Russian). EDN: VIWTIB
40. Yarskaya V. N. My language is my enemy: Racist discourse in Russian society. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2012, no. 6 (338), pp. 46–53 (in Russian). EDN: PBTULD
41. Labunskaya V. A. Theoretical and empirical approaches to the study of attitude to the discrimination of the ethnocentrism. *Sotsial'naia psichologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2016, vol. 7, no. 4, pp. 19–33 (in Russian). <https://doi.org/10.17759/sps.2016070402>, EDN: XEEUAN
42. Koizumi H. The enemy of my enemy is my friend: new conditions for network games. *Economic Theory Bulletin*, 2023, vol. 11, iss. 2, pp. 223–233. <https://doi.org/10.1007/s40505-023-00253-7>
43. Liao G.-Y., Huang T.-L., Dennis A. R., Teng C.-I. Friend-connecting affordances: Playing online games to contact friends. *Internet Research*, 2023, vol. 34, no. 4, pp. 1249–1272. <https://doi.org/10.1108/INTR-06-2022-0419>
44. Anderson A. R., Lastrapes M. Examining the Longitudinal Bi-Directional Associations of Friend Engagement, Social Functioning, and Depression. *Psychological Reports*, 2024, pp. 1–36. <https://doi.org/10.1177/00332941241241632>
45. Gershon R., Cryder C., Milkman K. L. Friends with Health Benefits: A Field Experiment. *Management Science*, 2024, vol. 71, no. 1, pp. 584–594. <https://doi.org/10.1287/mnsc.2022.01401>
46. Sun Y., He J., Li Y., Yu L., Li W., Jin W., Fu Y., Zhang G., Wang Q. Social anxiety and problematic smartphone use in Chinese college students: The mediating roles of coping style and the moderating role of perceived friend support. *Current Psychology*, 2024, vol. 43, iss. 19, pp. 17625–17634. <https://doi.org/10.1007/s12144-024-05699-x>
47. Maralov V. G., Maralova T. P. Psychological determinants of the differentiation of attitudes towards people on the principle of «friend-stranger». *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta = Herald of Vyatka State University*, 2021, no. 1 (139), pp. 88–96 (in Russian). <https://doi.org/10.25730/VSU.7606.21.009>, EDN: CUQYUG
48. Kotova M. V. Prejudice Transformation from Overt to Covert Forms as an Indicator of its Functions in Intergroup Relations. *Sotsial'naya psichologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2024, vol. 15, no. 1, pp. 57–75 (in Russian). <https://doi.org/10.17759/sps.2024150104>, EDN: EDNNNA

Поступила в редакцию 20.03.2025; одобрена после рецензирования 21.05.2025; принятая к публикации 17.06.2025
The article was submitted 20.03.2025; approved after reviewing 21.05.2025; accepted for publication 17.06.2025